

«Поезд» императрицы растянулся на 127 подвод

Подробности нашумевшего путешествия императорского двора Елизаветы Петровны из Петербурга в Москву и обратно

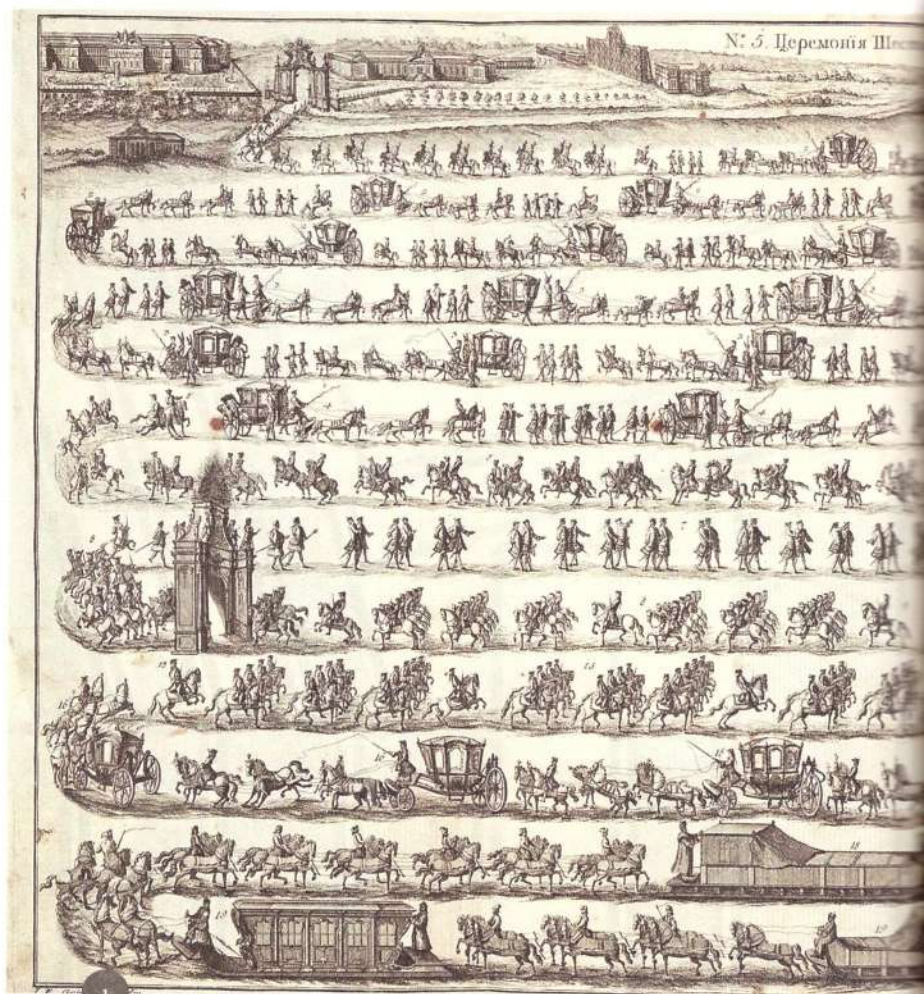
Сейчас поездка из одной столицы в другую предельно проста: метро — вокзал — 4 часа в «Сапсане» — вокзал — метро — и ты на месте. Да и перебросить целую структуру в сотни людей с багажом вполне реально: к услугам не только железная дорога, но и самолеты, автобусы, вместительные фуры. Нам бы заботы XVIII столетия!

Главная дорога Империи

В царствование Елизаветы Петровны (1741–1761) императрица и ее двор не раз отправлялись из Санкт-Петербурга в Москву и обратно — в 1742, 1744–1745, 1748–1749 и 1752–1754 гг. И каждый раз эта операция требовала немалых трудов. Прежде всего из-за состояния единственной дороги. Петербург еще не успел стать столицей, как царь уже потребовал в 1711 г. учредить почтовые станы по дороге в новый город через Волоколамск, Ржев и Старую Руссу. Но после смерти Петра I дело заглохло. Сенат в 1733 г. признал, что на «перспективной дороге» мосты выстроены только до Волхова; «через многие годы такая работа продолжается с немалым казенным убытком, а поныне еще в совершенство не приведена»¹.

Сенатская инструкция назначенному к строительству стратегической дороги Петербург — Москва полковнику Г. Зезевитову подробно описывает технологию дорожного строительства того времени. В заболоченные участки укладывались фашины (связки хвороста, прутьев) и засыпались песком или «хрящом» (щебнем). Полковнику предстояло «мостить таким образом на болотных и на водяных местах крепко, вязаной фашинник класть слоями, жжимая рычагами и, чтоб после не разошлись, убивать исподние слои кольем так, чтоб в нем верхний конец кола до половины ушел в фашину, дабы одна с другой плотно лежали, и после, как обядет, концы колья наверх не вышли. Буде же три или четыре и более слоев надобно положить, то один слой вкось дороги, а другой и против того вкось, и так подымать и вязать до последнего слоя, а последний или верхний слой поперек дороги накрепко ж ужимая, дабы плотно легли в каждый слой...»²

К 1744 г. лишь четыре версты Петербургского тракта вымостили камнем шириной в две сажени, однако мощение оказалось слишком дорогим. Российские дороги XVIII в. представляли собой просто более или менее накатанные тележные колеи без каких-либо искусственных на-

°1

И. Соколов. Церемония шествия Ее Императорского Величества Елизаветы Петровны в Москву. Из коронационного альбома. 1745 г.

сыпей и прочих сооружений. Нормально ехать по такой дороге можно было лишь зимой, по санному пути. А летом — даже если не было дождей — государыня и ее свита и не пытались.

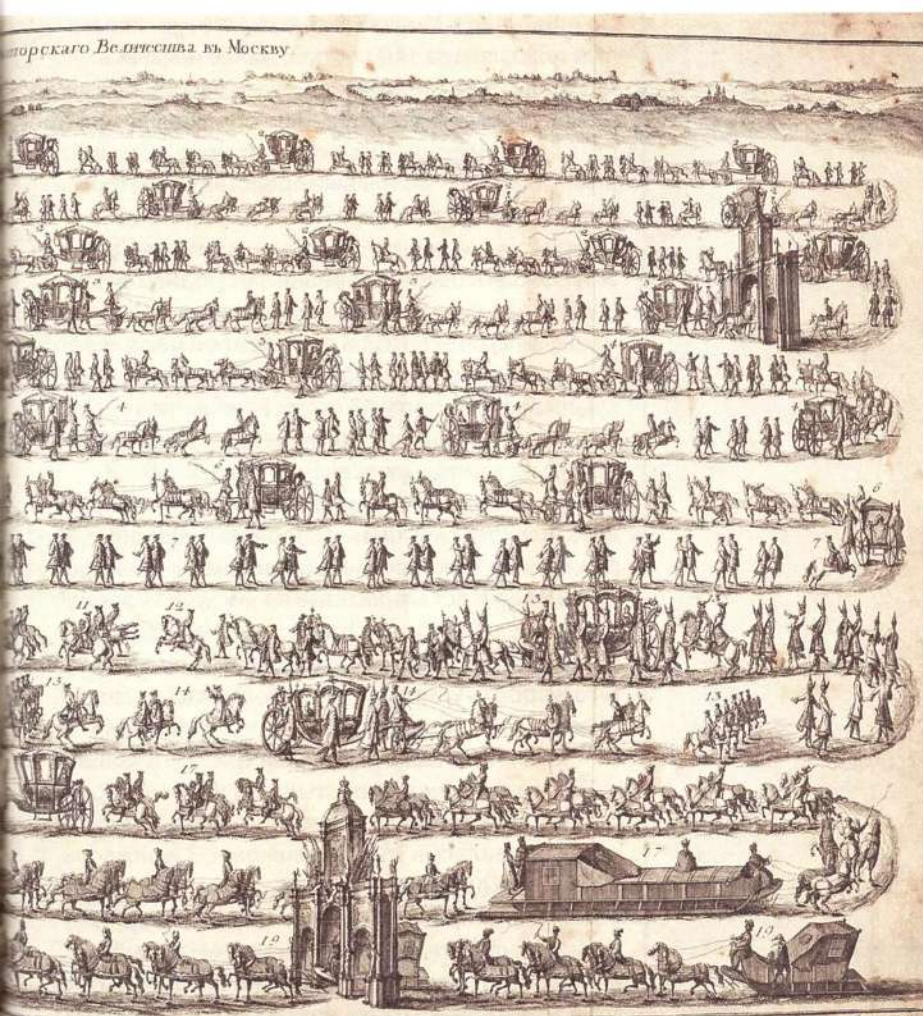
Путь от Петербурга до Москвы составлял 4–5 суток на саних в зимнее время и до 2–3 недель в летнее. Да и смотря как ехать — на своих «долгих» или почтовых с прогонями. Фашины гнили, песок просыпался вниз, — было проще ехать не по дороге, а рядом с ней. Чинили дороги тогда, просто засыпая их песком; качества по-

лотна это не улучшало — в результате даже правительственные указы рекомендовали чинить только мосты, «ибо в дождливое осеннее время настоящий образ починять дороги почти никакого облегчения проезжающим не делает, а в летнее и сухое время неделанная дорога лучше деланной, ибо насыпанный на дороге песок причиняет проезжающим такую трудность, какую им делает грязь осенью»³.

Поэтому ездить предпочитали зимой по санному пути.

Где остановиться?

Но дорога была далеко не единственной проблемой. Путешественнику надо где-то останавливаться на ночлег. Каменные и относительно

комфортабельные путевые дворцы, частично сохранившиеся на этом пути, появились только в 1770–1780-х гг. Как выглядели тогдашние почтовые станции, нам не ведомо, но вряд ли они были похожи на что-то приемлемое.

Ехавшей со свитой в январе 1730 г. из Курляндии в Москву императрице России Анне Иоанновне порой приходилось ночевать в санях — даже в «хоромах» ожидали грязь и тараканы:

«8-го числа пополудни в 8-м часу изволила прибыть в Вышней Волочок, и побыв с час, изво-

лила пойти в поход... В Торжок изволила прибыть в 5-м часу пополудни, и переменя подводы, изволила пойти того ж часа в свой путь... 9-го числа пополудни в 9-м часу изволила ее величество прибыть во Тверь, и побыв с час, изволила пойти в путь. В Клин изволила прибыть в 6-м часу пополудни, и в побыв в хоромах с час, изволила в своих санях почивать»⁴.

Санний «поезд»

В 1748 г. главная задача состояла в том, чтобы собрать «поезд» для перевозки государыни и свиты «по зимнему пути» в декабре. Государыня велела канцлеру объявить иностранным дипломатам, что если в Европе будет спокойно, то она едет в Москву на год. А также, чтоб в ее отсутствие соседние державы (Пруссия и Швеция) ничего «предосудительного» не допускали, «а особливо в Швеции возстановление самодержавства в действо производить не стали» — тем более что ее войска в Лифляндии и Финляндии стоят попрежнему и «не убавлены»⁵.

Подготовка началась уже в сентябре. Было ясно, что почтовых подвод заведомо не хватит — нужно привлекать дополнительно «уездные» и «градские». Другой проблемой стало обеспечение лошадей сеном — ввиду того, что в том году оказалась «в кормах конских великая скудость». Чиновники Придворной конторы исходили из предыдущих образцов: в 1742 г. при доставке двора на коронацию было задействовано 10 080 подвод; в 1744 г. уже намного меньше — 1300.

Императорский Кабинет поручил это дело Сенату — чтоб на каждом из 25 «станов» для государыни и двора было заготовлено по 500 подвод; потом их количество было увеличено до 750 и, наконец, уменьшено до 725 (300 ямских и «градских» и 400 «уездных»), собрать их стало уже обязанностью местных властей, что и утвердил указ Сенату. Другой указ обязывал их же и «завезть» нужное количество сена⁶. Как следует из дела о переезде, в нем участвовали и собственно дворцовые подводы конюшенного ведомства.

Оплаченных казной подвод хватило не всем: Сенату, Синоду и коллегиям велено было обходиться «вольным» наймом и ненужное отправлять другими трактами. А чтобы за множеством проезда, за дороговизною кормов наемщики цен безмерно не возвышали, было приказано запретить отпускать по московской дороге товары «партикулярных людей» до января⁷.

Кто едет? Кто охраняет?

На самих станциях порядок проезда из Петербурга и обратно обеспечивали гвардейцы Преображенского, Семеновского и Измайловского полков — 25 офицеров, 17 унтер-офицеров, 26 капралов и 448 солдат (от 8 до 50, смотря по зна-

° 2

Е. Чемесов. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1761 г. Гравюра.

РИА НОВОСТИ

чимости станции). Им по врученной из Кабинета инструкции надлежало принять собранные подводы. А Елизавета отдавала указания, кого с кем везти; с собой она брала и престарелую фрейлину мадам Яганну и карлицу Афросинью, и «вдову Еремеевну», и «Ненилу старуху» и лютиста с бандуристом... И театр — итальянскую и французскую «компанию».

Гвардейцы должны были знать, кто кого должен везти (для чего существовали специальные «ярлыки») и платить прогоны — они на пути в Москву составили 9401 рубль. Далее им было предписано содержать дворы на станциях «во всякой чистоте... дабы никакой гадины, а паче мышей отнюдь не было». Ну, а еще военных предупреждали, чтобы они, по солдатскому обыкновению возницам и дворцовой челяди «обид не чинили».

Все свое везли с собой

15 декабря императрица отправилась в Москву с относительным, но единственно возможным в то время удобством. «Поезд» самой императрицы составлял 127 подвод — в том числе лично для нее 12 «подпокойных» (то есть для самой государыни и личной обстановки) саней, 8 запасных и еще 12 — «заводных» с прочим имуществом⁸.

Обер-егермейстер и фаворит Алексей Разумовский занял 22 саней; 6 из них он выпросил особо — для слуг, которых ему «потребно иметь». Камергер и генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов и обер-гофмаршал Дмитрий Андреевич Шепелев довольствовались шестью. 16 отводилось под кухню, 12 — под кабинетские «дела», 4 — под Придворную контору, императорскому портному Северину полагалось 6.

Отдельно ехал гардероб ее величества — на 119 подводах и ее личная охрана — Лейбкомпания на 177. Прислуге приходилось тесниться: фрейлины ехали по 3, а камер-юнгферы — по 6 человек в санях. Но «придворной танцовальщик» Михаил Литров один занял 3 подводы.

Все необходимое брали с собой. В обозе государыни ехали богатые ливреи дворцовых слуг и возок с «пряными зельями». А еще «овощенная провизия», столовое белье, оловянная и медная посуда, свечи, музыкальные инструменты; 12 подвод везли венгерское вино и полпиво (легкое пиво — 2–3 градуса) самой государыни. Из Петербурга в Москву и обратно тащили золотой и серебряные сервизы. В списке нет мебели — хотя принято считать, что ее тоже возили.

Для императрицы составлялось расписание: 16 декабря обед в Тосно и ужин в Спасской Полести; 17-го — в Бронницком яме и Яжелбицах; 18-го — в Хотилловском яме и селе Медном; 19-го в Клину и в самой Москве⁹.

Московские маршруты императрицы

По прибытии в Москву государыня отметила Новый год балом на 140 персон. Далее началась обычная придворная жизнь: куртаги (приемы) по воскресеньям, свадьбы фрейлин, празднества с иллюминацией и «италианской» музыкой и регулярные театральные представления (по вторникам и пятницам) в новом «оперном доме» рядом с деревянным дворцом «что на Яузе» — фешенебельном районе загородных резиденций петровских и аннинских времен. Видимо, Кремль с его теснотой и обитателями не привлекал привыкших к петербургскому простору государыню и ее свиту. 17 марта Елизавета в селе Покровском пышно отметила «тезоименитство» своего фаворита Алексея Разумовского¹⁰.

На месте ей не сиделось, она постоянно ездила по окрестностям — в дворцовые Преображенское, Покровское, Софьино, Хорошево, Перово и оставалась там по несколько дней; отправлялась в гости к Нарышкиным в Раево, к А.Б. Бутурлину, к Разумовскому в Знаменское. А то и просто устроила 20 августа ужин на Воробьевых горах.

Благочестивая государыня трижды посетила Троице-Сергиев монастырь: 29 июня — 1 июля, 24–26 сентября и 7–8 декабря. Первый раз она отправилась в Троицу пешком; с 3 июня дочь Петра проходила по 3–6 верст, после чего уже в экипаже отправлялась в разбитый для нее лагерь, ужинала и ночевала в «шатрах» где-нибудь «на лугу в леску», чтобы поутру начать путь с того места, где остановилась накануне. Однако 11 июня по неведомой причине (погода подвела?) она отправилась со свитой обратно в Москву. Опять двинулась в путь 22 июня с того самого места, где прервала его, и 29-го совершила торжественный вход в обитель — в Царских чертогах (путевом дворце Алексея Михайловича) был устроен парадный обед с «италианской вокальной музыкой» и пушечной пальбой¹¹.

Во время этой поездки государыня демонстрировала хорошую спортивную форму: «9-го числа июля, по полудни, был обыкновенный куртаг. Того вечера ее императорское величество

°3

Зимний возок императрицы Елизаветы Петровны.

изволила пойти в село Перово, и там кушала вечернее кушанье.

11-го числа июля по утрам в 12-м часу ее императорское величество из Москвы изволила шествие иметь в село Хорошево, от Москвы 7 верст, и тут обеденное кушанье изволила кушать, а их императорские высочества изволили остаться в Москве. Того ж вечера изволила прибыть в село Знаменское графа Алексея Григорьевича Разумовского, по звенигородской дороге, расстоянием от Москвы 30 верст считают, а не меряно, и там вечернее кушанье кушать изволила в ставках на лугу подле Москвы реки.

12-го числа ее императорское величество обеденное кушанье изволила кушать в том селе Знаменском, а вечернее кушанье у князя Голицына, переехав Москву реку, в селе его Голицына, а ночевать возвратиться изволила в село Знаменское»¹².

Свои именины, 5 сентября, она провела в Новом Иерусалиме. А еще успела съездить в Саввин-Сторожевский монастырь. И торжественно отметить годовщину восшествия на престол. 25 ноября она, «яко капитан» своей Лейб-компания (роты преображенцев, которая совершила переворот 1741 г. и в прямом смысле внесла Елизавету во дворец), прямо в дворцовом зале вышла «пред роту» и ее офицеров и унтер-офицеров и всех 258 гренадеров пожаловала «к руке», а затем усадила за столы и подняла тост «за здоровье Лейб-компания господ обер и унтер-офицеров и всех гренадеров»¹³.

Кажется, государыне нравились московские окрестности больше, чем питерские. Во всяком случае, обратно она не спешила, хотя и говорила, что европейские «конъектуры» могут потребовать ее присутствия. Опасались Швеции, и Адмиралтейств-коллегия в начале 1749 г. доносила, что хорошо бы вооружить часть корабельного флота и отправить в море в мае месяце; а заодно и галерный флот — но в денежной казне крайний недостаток, а на его исправление нужно 361 266 рублей. Но императрица полагала, что войск близ столицы и в Прибалтике достаточно.

Будни второй столицы

Только сама Москва не очень радовала. В 1748 г. случилось целых 6 пожаров: сгорели почти три тысячи домов и целые районы представляли собой пепелище. Власти впервые представили план застройки погорелых мест — улицы предлагалось спрямить по новым «красным линиям»¹⁴. Неприятно удивили грязные колодники московских тюрем, ходившие скованными по Красной площади и по большим улицам, и громко вопившие о милостыне. Сенат приказал колодников, которые сами себя прокормить не могут, отсылать на казенные работы и давать заработную плату по две копейки в день.

По ночам обыватели «шалили» и даже днем побили и ограбили камердинера великого кня-

4

Гренадер
Лейб-компания.
1742-1762 гг.

зя — но никто ему не помог. Благодаря «понаехавшим» выросли цены на хлеб, отчего народу стала «немалая тягость: в марте рожь продавалась по семидесяти копеек, а в июне уже по полутора рублем»¹⁵.

Возвращение в Петербург

Ну а потом пришлось собираться и проделывать такой же переезд в обратном порядке — о чем Елизавета известила Сенат еще 28 августа, чтобы все перебравшиеся в Москву вслед за ней учреждения успели подготовиться¹⁶.

12 сентября 1749 г. последовал указ Сенату о подготовке к началу декабря 1150 подвод (уездных, «градских» и ямских) с «добрыми» лошадьми по всему маршруту следования и обеспечить их кормом. Придворных полагалось везти от станции до станции по 30–40 верст «тихою ездою». Опять на станции поскакали гвардейские офицеры и солдаты — принимать подводы и сено, чистить путевые двory от мышей и прочих «гадин», платить прогоны (почтовым ямщикам платили до Новгорода копейку за версту, а после — по деньге (половине копейки), рассаживать дворцовую челядь: на пароконные сани — по 4 человека. Но это для «подлых», а благородные ехали иначе: сани Разумовского везли 10 лошадей, других важных персон — по 6. Как и на пути в Москву, императрица указывала, кто с кем и как едет. Ее «серебро» везли на 4 санях, а хрустальную посуду — на 18.

Переезд растянулся с 17 октября (первыми уехали прислуга и мастеровые — приводить в порядок столичные дворцы) до 26 декабря. Не обошлось без «конфузии» — можно себе представить, что творилось на станциях, когда там скапливались по 500 и больше лошадей с санями; подводы прибывали не в указанном количестве, лошади падали по дороге, непослушные придворные и служители ехали не с кем указано, а с кем сами хотели — на что жаловался чиновник Кабинета Василий Демидов своему начальнику, барону Ивану Черкасову¹⁷.

22 декабря Елизавета возвратилась в Петербург. Придворная жизнь вернулась в обычную колею.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 9. № 6372.

² Там же.

³ Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 336.

⁴ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. №202. Л. 96об.

⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. №39. Л. 7.

⁶ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. №115. Ч. 1. Л. 7об.-8, 17-18.

⁷ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 11. С. 506.

⁸ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. №115. Ч. 1. Л. 299об.

⁹ Там же. Л. 159.

¹⁰ Камер-фурьерский, церемониальный и походный журнал 1749 года. Б. г. С. 10.

¹¹ Там же. С. 20-27.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Там же. С. 53-54.

¹⁴ История Москвы в 6 т. М., 1953. Т. 2. С. 340.

¹⁵ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1993. Кн. 12. С. 8-9.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 13. № 9661.

¹⁷ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 115. Ч. 2. Л. 197.